

УДК 821.13.6.
ББК84 (4Шве)-44
Р97

Рюндберг, Юхан
Р97 Ночной Ворон = Nattkorpen/Ю. Рюндберг; пер. со шведского М. Людков-
ской. — М. : Издательство Альбус корвус, 2026. — 160 с. — ISBN 978-5-00114-522-6

Copyright © Johan Rundberg and Natur & Kultur, Stockholm 2021
Russian edition published in agreement with Koja Agency
© Мария Людковская, перевод на русский язык, 2024
© Виктория Попова, оформление обложки, 2025
© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2026

Оглавление

Глава 1..... 7
Глава 2..... 13
Глава 3..... 18
Глава 4..... 24
Глава 5..... 29
Глава 6..... 34
Глава 7..... 37
Глава 8..... 45
Глава 9..... 48
Глава 10..... 52
Глава 11..... 58
Глава 12..... 63
Глава 13..... 69
Глава 14..... 71
Глава 15..... 80
Глава 16..... 84
Глава 17..... 91
Глава 18..... 95
Глава 19..... 99
Глава 20..... 105
Глава 21..... 108
Глава 22..... 113
Глава 23..... 115
Глава 24..... 119
Глава 25..... 123
Глава 26..... 129
Глава 27..... 133
Глава 28..... 137
Глава 29..... 140
Глава 30..... 146
Глава 31..... 150
Глава 32..... 153
Глава 33..... 156

— Не надо!

Голос доносился с одной из дальних кроватей в самой глубине спальни. Кто-то бормотал во сне, а потом протяжно заскулил. Мика открыла глаза. Какое-то время она лежала неподвижно, глядя, как воздух изо рта превращается в белый пар и поднимается к потолку. В голове еще кружились обрывки восхитительного сна: клочки голубого летнего неба. Она попыталась собрать эти картинки вместе, но воспоминания ускользали от нее — подобно тому, как вода вытекает из дырявого ведра. В другом конце комнаты чуть потрескивала остывающая печка. Под одеялом было тепло, и Мика надеялась, что вставать не придется. А может быть, даже удастся вернуться в тот сон. Но поскуливание повторилось, и Мика неохотно вылезла из-под одеяла и спустила ноги с кровати.

Это, как всегда, был Эдвин. Поджав колени к груди, он тихонько всхлипывал во сне. Поздней осенью его взяли в приемную семью где-то в Мариенберге, а в конце января он вернулся в приют. Его нашли на ступеньках у входа: он был весь в синяках и худой, как бродячий кот. С тех пор он беспокойно спал каждую ночь.

Мика села рядом и положила руку ему на затылок.

— Тише, тише, не то всех разбудишь, спи.

Она гладила его по спине, пока он не притих и дыхание не выровнялось.

Кто-то кашлянул. Мика посмотрела на печку. В щелке слабо мерцали угли. Хорошо бы подкинуть дров, раз уж все равно пришлось встать. Но следить за печкой — это обязанность лентяя Руфуса. К тому же так неохота тащиться туда по холодному каменному полу. Но вдруг раздался другой, приглушенный звук: как будто кто-то стучался с улицы. Мика встала и, прокравшись между спящими к двери, достала из кармана платья ключ. Вставила в замок и, поворачивая, прикрыла рукой, чтобы заглушить щелчок. Обычно спальня не запиралась. Но некоторые дети ходили во сне, а оказаться на улице зимней ночью опасно. Особенно если зима выдалась такой холодной, как эта.

В прихожей дыхание мгновенно белело, превращаясь в лед. Мика запахла воротник и тихо прошла к наружной двери. Щеколда густо обросла инеем. Мика немного постояла, прислушиваясь. Все тихо. Может, слышалось? Ведь на морозе и камень, и дерево могут издавать странные звуки. Но стук повторился, и Мика вздрогнула. Так и есть. Кто-то стоит под дверью и хочет войти. По-хорошему, надо бы позвать Амелию. Но если окажется, что Амелию разбудили зря, Мике несдобровать. Впрочем, стук был робкий. Вряд ли человек за дверью задумал что-то нехорошее. Набравшись смелости, Мика подняла щеколду и толкнула дверь плечом. От резкого порыва ветра в прихожую влетели снежинки и, кружась, опустились на пол.

В темноте у входа стоял мальчик. С виду было трудно понять, сколько ему лет, но Мика подумала, что года на два он точно ее старше. Лицо рябое, нос с небольшой горбинкой, как после давнишнего перелома. Правда, одежда очень опрятная. Брюки и куртка без единой заплатки. В руках, крепко прижимая к себе, он держал свернутое в кулек одеяло.

— Это Городской приют? — спросил мальчик, заглядывая Мике через плечо.

Мика ответила не сразу:

— Да. Но у нас нет свободных мест. Тут неподалеку есть ночлежка.

Она прекрасно знала, что ночлежка в такое время переполнена. Впустить его? Пусть завернется в свое одеяло и ляжет в прихожей. Дверь в основное помещение запирается, украсть он ничего не сможет. Но если Амелия узнает — точнее, не если, а когда, — она придет в ярость.

Мальчик боязливо оглянулся, а потом шагнул вперед и протянул Мике свое одеяло.

— Вот, возьми.

Мика в замешательстве взяла сверток. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди: сверток был живой. Края одеяла чуть разошлись: внутри лежал новорожденный младенец. Пушок на голове и красная кожа были еще покрыты первородной смазкой. На животе — лиловая культя наспех перевязанной пуповины. От голого тельца шел пар, как от свежее испеченного хлеба.

Мика поскорее завернула малютку.

— Как тебя зовут? — посмотрев на мальчика, с трудом выговорила она.

Тот поежился от холода, потом снова оглянулся. Когда он встретился с Микой взглядом, его рот скривился в испуганной улыбке.

— Черный Ангел знает, что это я забрал ее.

И, прежде чем Мика успела что-либо ответить, развернулся и поспешил прочь.

— Подожди!

Но мальчик ее уже не слышал. На перекрестке он свернул на Церковную улицу — Чюркугатан — и скрылся из виду. Секунда — и его как не бывало. У Мики на руках шевелился младенец, она потянулась закрыть за собой дверь, но вдруг почувствовала, что за ней кто-то следит. Газовые фонари горели через один, как это обычно бывало ночью. Между конусами света — сплошная черная зимняя ночь. Снег падал все более плотной пеленой, не давая глазу ни за что зацепиться. Возможно, именно поэтому Мика заметила, что на другой стороне улицы кто-то стоит. На фоне дома угадывался вытянутый силуэт: кто-то худой и высокий, в пальто и шляпе. Человек не двигался, и Мика решила было, что ей показалось. Она немного успокоилась, но внезапный ветер закружил снег и взметнул полы пальто незнакомца. Страх, охвативший Мику, был еще холоднее ветра. В тот же миг младенец тонко и пронзительно вскрикнул, и Мика поспешила закрыть дверь.

— Чего там? — раздался сонный голос.

У дверей в прихожую нарисовалась маленькая скрюченная фигурка. Руфус. В руке он держал керосиновую лампу. Амелия часто повторяла, что Руфусу очень идет его собачье имя. Он и правда напоминал пса, за которым никому неохота ухаживать. Волосы как жесткая

непослушная шерсть и торчат во все стороны. И, точь-в-точь как пес, он всегда прибежал первый, когда в дверь стучались.

Руфус приподнял лампу, и лицо его вытянулось от разочарования, когда он увидел содержимое свертка.

— Понятно, — сказал он. — И это все?

— А ты чего ждал? — спросила Мика. — Гонца из королевского замка и торт со сливками?

Руфус зевнул и пожал плечами. Младенец дернулся, и из одеяла высунулась худенькая ножка. На лодыжке было что-то повязано. Переплетенный кожаный ремешок, украшенный маленькими красными цветами.

— Что это у тебя? — прошептала Мика.

Но только она хотела рассмотреть браслет поближе, как кто-то выхватил малышку у нее из рук. Позади стояла Амелия. Из-под пальто торчала ночная рубашка.

— Кто принес ребенка? — строго спросила она.

— Я не знаю, — ответила Мика, и ей стало неловко, как будто это она была виновата, что мальчик ушел. — Он не сказал, как его зовут.

— Какая неожиданность, — проворчала Амелия и кивнула Руфусу, чтобы тот поднес лампу поближе.

Она осмотрела младенца, пощупала сухими пальцами живот и головку. Рука задержалась на кожаном ремешке.

— Заприте хорошенько дверь, — сказала она. — А ты, Руфус, будь добр, подкинь дровишек, не то мы, глядишь, околеем еще до рассвета.

Амелия ушла в детское отделение, Руфус поплелся за дровами. Оставшись одна, Мика приоткрыла дверь и высунула голову на улицу. С неба падали снежинки,

Глава 2

огромные, как дубовые листья. На той стороне ни души — будто никого там и не было. Будто незнакомец взмыл в воздух и улетел.

Все, что осталось, это следы мальчика, которые медленно заносило снегом.

Большой стол в столовой был накрыт на двадцать пять человек: двадцать пять кружек, рядом с каждой по кусочку хлеба. Шесть утра, старшие дети завтракали последними. Мика разлила горячее молоко, поровну в каждую кружку, ведь старшие замечают любую несправедливость. Ставя кувшин на тележку, она вспомнила картинку из недавнего сна. Под ногами раскаленный металл крыши, а над головой — чистое небо: такое она видела как-то раз, когда трубочист забыл закрыть люк. Чувство, что стоишь на самом краю и смеешься смерти в лицо. Только вот зимой над смертью не слишком-то посмеешься. Мика оглядела собравшееся за столом общество. Ввалившиеся глаза, губы, с хлюпаньем вытягивающие разведенное молоко. Бесконечная тьма и недоедание давали себя знать. Давно уже Мика не слышала, чтобы кто-то заговаривал о лете. Возможно, они и забыли, что оно вообще существует.

Мика встала в торце стола и трижды ударила по деревянной доске.

— Сегодня ночью принесли нового ребенка, — торжественно сообщила она.

Хлюпанье прекратилось, все взгляды устремились на нее.

— Да ладно, — не поверил Нильс. — Я вот ничего не слышал.

За столом пополз ропот: никто ничего не слышал.
— Да-да, девочку, — заверила их Мика.

— Как ее зовут? — спросила Маргит, одна из близнецов-шестилеток, перед Рождеством потерявших родителей в пожаре на улице Фалькенбергсгатан.

— Не знаю, — ответила Мика. — Она родилась сегодня ночью, Амелия считает, что сразу после полуночи.

Услышав о новой девочке, дети оживились. Они наперебой принялись обсуждать, какое бы имя ей подошло и станет ли кто-то ее разыскивать. В приют часто приносили подкидышей. Тем не менее всякий раз это становилось событием.

— Но почему ее принесли ночью? — спросила Кристина.

— Потому что она уродка, почему же еще, — невозможно ответила Мика.

Гул за столом стих. Заметив ужас на лицах детей, Мика приподняла брови:

— А что, Амелия вам разве не говорила? Всех уродов приносят ночью, таковы правила. Днем это просто невозможно. Если важные дамы с нашего Франтовского променада¹ увидят уродца, их кондрашка хватит.

Мика задумчиво нахмурила лоб.

— Если хорошенько подумать... — продолжила она, глядя на бледные мордочки своих подопечных, — то всех вас принесли ночью.

¹ Так в XIX веке иронически называли Дроттнинггатан — улицу модных магазинов в центре Стокгольма. Приют, о котором речь, располагался на этой же улице. (Здесь и далее прим. перев.).

В столовой стало тихо, как в склепе. Кристина, Оссиан, Аксель, Маргит и остальные в ужасе разинули рты с недожеванными комочками хлеба.

— Ты врешь, — сказал наконец Эдвин, заглядывая в глаза других детей в поисках поддержки. — Скажите же, она врёт?

Мика выдержала паузу — несколько мучительных секунд, но, когда уголок ее рта наконец коснулась улыбка, все в столовой облегченно захохотали.

— Ну все, доедайте скорее, — сказала она. — Я вам не рассказывала, как Руфус однажды так примерз попой к стулу, что Амелии пришлось отпиливать его ножовкой?

— Нет, расскажи! — попросил Аксель.

— Да она опять шутит, неужели не ясно, — вздохнула Маргит.

Дети заскрежетали стульями, поднимаясь из-за стола. Мика собирала кружки, чувствуя легкие угрызения совести. Не перестаралась ли она? Одно дело — быть бедным. Быть грязным и ходить в залатанной одежде. Но ни один приемный родитель не захочет взять некрасивого ребенка. Разве что в работники — в таком случае внешность не важна. Это знали все приютские дети. Порой надо смеяться над тем, чего боишься больше всего. А дальше будь что будет.

В дверях Мика столкнулась с Руфусом.

— Ты что, новенький? — спросила она. — Я ищу одного мальчика, как две капли воды похожего на тебя, только вид у него такой, будто его окунули в выгребную яму.

— Ты сама-то себя в зеркале видела? — фыркнул Руфус.

Обычно Руфус был с головы до пят покрыт сажей, так как отвечал за поддержание огня во всех печах

и каминах приюта. Но сейчас он выглядел на редкость отмытым. Конечно, не идеально чистым, однако кое-где, между наиболее въевшимися пятнами, проглядывала розовая, как у поросенка, кожа.

— Амелия послала меня за полицией, — вздохнул Руфус. — Девочка сирота, поэтому ее надо сразу зарегистрировать.

Мика знала новые правила. Сдать ребенка в приют стоило четыреста крон, сумма огромная. Но если родители не установлены, то и плату взять не с кого. Чтобы приют получил хоть какую-то денежную компенсацию, полагалось вызвать полицию и зарегистрировать сироту.

— Может, ты сходишь? — попросил Руфус Мiku. — Ведь ты ее приняла.

— Мне некогда, — ответила Мика. — После двенадцати мне надо в «Часовню».

Руфус недовольно поморщился. Мало того что пришлось оттирать с себя сажу в ледяной воде за здорово живешь. Но нет, в придачу ему еще тащиться в полицию.

— Я ее с ночи не видела, — сказала Мика. — Давай сходим проведем ее?

Руфус пожал плечами:

— Давай.

Отделение для малышей находилось на другом конце двора. Когда Мика и Руфус вошли, девочка была на руках у одной из кормилиц и, тихонько похрюкивая, сосала грудь. На макушке, поросшей нежным пушком, поблескивали крошечные капельки пота. Мика осторожно подошла ближе, чтобы не помешать. Из-под ночной рубашки торчали две тонюсенькие ножки. Но чего-то не хватало. Кожаный браслетик исчез.

— Ну все, хватит с тебя, — раздраженно сказала кормилица и спрятала грудь. — А то моему ничего не останется.

— У нее на ноге был браслетик, — вырвалось у Мики. Взгляд кормилицы почернел.

— И что? — рявкнула она. — Хочешь сказать, я его украла?

Мика едва увернулась от затрешины. Кормилица выругалась, поднялась со стула и оправила платье. Особо не церемонясь, она сунула девочку в кроватку.

— Это ты о чем? — прошептал Руфус.

— Когда ее принесли, у нее на ноге был кожаный браслетик, — ответила Мика. — А теперь его нет.

Руфус недоуменно смотрел на нее:

— Не понял. Ты хотела взять его себе?

— Нет, конечно, идиот, — прошипела Мика.

Неужто он мог подумать, что она способна что-то взять у новорожденного ребенка?

Когда кормилица ушла, они осторожно подошли к кроватке. Девочка лежала на спине и смотрела в потолок. Из уголка рта тянулась тоненькая ниточка молока. Мика стерла ее указательным пальцем. Тощие ножки сушили в воздухе. В приюте половина новорожденных детей умирали в первые же полгода. Но девочка выглядела крепкой. Может быть, она выживет. Мика очень надеялась на это. Она еще никогда сама не принимала ребенка.

В кроватке лежали два скинутых носочка. Мика наклонилась и натянула их на голые пятки.

— С днем рождения, — прошептала она.

Девочка весело дергала ножками, ведать не ведая, где очутилась.

Глава 3

«Часовня» находилась в конце улицы Лунтмакарегатан, недалеко от площади Уксторьет. Мика ходила туда трижды в неделю на работу к Пастору. На самом деле это была никакая не часовня, а кабак. А Пастор — никакой не священник, скорее наоборот. Поначалу Амелия была против. Кабак — не место для девочки. Но потом уступила. Как ни крути, это была работа вне стен приюта, а Мике уже скоро двенадцать, начинать школу в ее годы поздно. К тому же читать она выучилась сама, в школе она бы только зря теряла время.

Посетителей пока было мало. Но скоро работы на табачной фабрике, что на улице Бруннсгатан, закончатся, и тогда найти место в кабаке будет трудно. «Селедка» — корявыми буквами вывел на доске Пастор. Вот и все угощение. Городские заставы закрылись, и крестьяне не могли привозить в город свои товары. Но гостей это не слишком смущало: они веселились, пока была выпивка.

— Обнеси-ка еще разок вон тех, в углу, — сказал Пастор, ставя на поднос две кружки.

Мика налила пиво и смахнула пену. У стены, возле камина, съезжившись, сидел мальчик. Мика узнала его. Это был один из бездомных ребят с площади Хёторьет.

На вид ему было лет восемь. Их взгляды встретились, и мальчик поднес указательный палец к губам. Мика потянулась за второй кружкой и украдкой кивнула, надеясь, что Пастор не заметит мальчика. Но тот, конечно, все видел.

— Эй ты! Вон отсюда!

Мальчик вздрогнул.

— Еще одну минутку, пожалуйста, — взмолился он. — Я никому не помешаю. Прошу вас.

Пастор устало посмотрел на него. От холода люди впадали в отчаяние, старики и дети тайком пробирались в кабак, чтобы погреться. Каждый день в сараях и под мостами находили тела замерзших. Погибших было так много, что газеты уже перестали о них писать. В начале зимы Пастор еще, бывало, позволял бездомным зайти погреться. Особенно детям. Но сейчас, три месяца спустя, он стал так же неумолим, как мороз на улице. Тех, кто ничего не заказывал, выпроваживали за дверь.

Пастор обогнул барную стойку, подошел и уже занес ногу для пинка. Мальчик весь съежился. Но в последнюю минуту Пастор передумал. Мальчик выглядел больным и мог не выдержать его удара. Поэтому Пастор просто схватил его за шею — такую тонкую, что пальцы сомкнулись, — и выкинул на крыльцо, как мешок с картошкой.

— Дверь закрой, черт тебя дери! — почувствовав сквозняк, рывкнули мужики за столиком в углу.

Пастор поспешил закрыть дверь.

Мика научилась различать завсегдатаев кабака. Тех, кто работал на кожевенной фабрике, можно было

узнать по запаху. Тех, кто на табачной, — по рукам. Посетители в углу не относились ни к первой, ни ко второй категории. Хотя на них не было формы, Мика догадалась, что они из полиции, — по тому, как остальные старались сесть подальше и не смотреть в их сторону. Так, словно от полицейских несло насилием, с которым они сталкивались каждый день.

Мика поставила кружки на стол. Полицейский по-крупнее знаком велел наполнить и рюмки тоже. Мика принесла штоф крепкой из шкафа за стойкой. Рука крупного парня дрожала, когда он протянул свою рюмку. Но не от холода и не с похмелья. Это было что-то другое. В его глазах мелькнуло что-то, что напомнило Мике о мальчишке, приходившем в приют ночью. Страх.

Мика наполнила рюмки, в то время как полицейские продолжали разговаривать вполголоса.

— Мы с Нурделем прибыли на место первыми, — сказал крупный. — Но теперь-то я думаю, лучше бы мы не спешили.

Он поднял рюмку, и его лицо скривилось в гримасе, когда ее содержимое обожгло горло.

— Тело было практически обескровлено, как туша убитого зверя.

— Ты же сказал, вы застали его в живых?

Крупный полицейский недовольно посмотрел на пустую рюмку и кивнул:

— Застали... Мы только и успели, что услышать его последние слова. Он сказал...

Опрокинув рюмку и дождавшись, пока на язык упадет последняя желанная капля, он перегнулся через стол и шепотом договорил:

— Что за ним приходил Ночной Ворон.

Мика задержалась у соседнего столика. Повернувшись спиной к полицейским, она притворилась, будто протирает упавший нож. Сзади раздался неуверенный голос худого:

— Вы наверняка ослышались. Ты же не хочешь сказать...

В следующую секунду кто-то схватил Мику за предплечье. Так крепко, что малейший поворот запястья — и рука бы переломилась, как прутик. С колотящимся сердцем Мика обернулась и оказалась лицом к лицу со здоровяком. Щеки его горели от выпитого. Нос был покрыт синей сеткой замерзших жилок. В глубоких впадинах под бровями прятались глаза, похожие на лужи с мутной талой водой.

— У фрёкен длинные уши, — сказал он, и изо рта у него кисло пахло спиртным и гнилыми зубами. — Сдается мне, они слышат больше, чем им положено.

Схватив нож с тарелки, он поднес его к Микиному лицу, так близко, что она увидела селедочные кости на жирном кончике.

— Посмотрим, что будет, если я отрежу эти лопухи.

Мика почувствовала вкус крови во рту — так крепко он сжал ее руку. Пастор неподвижно замер за стойкой. Будь на месте здоровяка кто другой, он бы вмешался. Но и Пастор понимал, что это полицейские. Он и пальцем не шевельнет, даже если они приведут свою угрозу в действие.

Мика сделала глубокий вдох. А потом посмотрела здоровяку прямо в глаза.

— Не отрежете — в нашем заведении слишком тупые ножи, — сказала она недрогнувшим голосом. — Но если отпустите меня, я распоряжусь, чтобы их наточили.

Смысл ее слов медленно просочился в замутненное спиртным сознание здоровяка. Блестящие губы растянулись в улыбке, и он наконец отпустил ее руку.

— На этот раз тебе повезло, — сказал он. — Если проследишь, чтобы наши рюмки не пустели, так и быть, останешься при ушах.

Мика кивнула:

— Благодарю вас, сударь.

Кровь возвращалась в онемевшую руку, пальцы покалывало.

Полицейские продолжали пить, хотя уже с трудом сидели прямо. Когда «Часовня» закрылась, Пастору пришлось проводить их до дверей, сами бы они просто не нашли выход.

— Это могло плохо кончиться, — недовольно заметил Пастор, гремя мелочью в кассе. — Тоже удумала, подслушивать полицейские разговоры.

Мика не ответила. Она все еще злилась, что Пастор так обошелся с бездомным мальчиком. Но если с ним спорить, можно вовсе остаться без получки. В конце концов Пастор перестал греметь и швырнул ей десять эре. Мика молчала и не двинулась с места. Рука болела. Ей угрожали, да ее вообще чуть не убили. Она заслужила еще как минимум пять эре. Но Пастор захлопнул крышку кассы: разговор был окончен.

Зажав монетку в руке, Мика побежала вниз по улице Уксторьсгатан. Она держалась поближе к домам, там, куда падал свет фонарей. Обычно она не боялась поздно возвращаться домой, но то, что она услышала в «Часовне», напомнило ей об ужасных событиях прошлого года. О чудовище, про которое писали газеты. О слухах,

которые, подобно зловонию, расползлись по городу, заставляя людей запираť двери и ставни задолго до наступления темноты. Правда, то, что случилось в прошлом году, не должно повториться. Ведь палач сделал свою работу.